

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.61>

Шелестюк Елена Владимировна, Яковлева Евгения Сергеевна

КОГНИТИВНО-ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ПЕРЕВОДА КАК БИЛИНГВАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цель статьи - разработка теоретико-методологического инструментария для описания перевода в когнитивно-психолингвистическом ключе. Раскрыты когнитивно-психолингвистические свойства перевода по следующим параметрам: (1) степень полноты передачи информации, (2) соответствие глубинных структур поверхностным и соответствие поверхностных структур исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ), (3) адекватность языковых образов ИЯ и ПЯ, (4) качество обработки внутренней речи, (5) компетенции, стратегии и идиостиль переводчика. Полученные результаты позволяют разработать когнитивно-психолингвистический алгоритм исследования перевода, обучения и оценки переводческой деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/61.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 279-290. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81`23

Дата поступления рукописи: 28.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.61>

Цель статьи – разработка теоретико-методологического инструментария для описания перевода в когнитивно-психолингвистическом ключе. Раскрыты когнитивно-психолингвистические свойства перевода по следующим параметрам: (1) степень полноты передачи информации, (2) соответствие глубинных структур поверхностным и соответствие поверхностных структур исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ), (3) адекватность языковых образов ИЯ и ПЯ, (4) качество обработки внутренней речи, (5) компетенции, стратегии и идиостиль переводчика. Полученные результаты позволяют разработать когнитивно-психолингвистический алгоритм исследования перевода, обучения и оценки переводческой деятельности.

Ключевые слова и фразы: внутренняя речь; универсальный предметный код; мыслеобраз; глубинные структуры; поверхностные структуры; языковые образы; компетенции профессионального коммуникатора.

Шелестюк Елена Владимировна, д. филол. н., доцент

Яковлева Евгения Сергеевна

Челябинский государственный университет

shelestiuk@yandex.ru; evgenia.yakovleva2012@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ПЕРЕВОДА КАК БИЛИНГВАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Введение

Объект данного исследования составляет перевод в когнитивно-психолингвистическом аспекте, **предметом** является определение когнитивно-психолингвистических параметров и свойств перевода. **Актуальность** темы связана с отсутствием четкого теоретико-методологического инструментария для описания перевода с когнитивно-психолингвистической точки зрения. **Научная новизна** состоит в определении когнитивно-психолингвистических параметров перевода, выявлении на их основе и в сопоставлении с данными лингвистического переводоведения когнитивно-психолингвистических свойств перевода. **Цель** статьи – дать начало разработке теоретико-методологических основ изучения процесса перевода в когнитивно-психолингвистическом аспекте. Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) выявить основные когнитивно-психолингвистические парадигмы речемыслительной деятельности; 2) на их основе определить когнитивно-психолингвистические параметры перевода; 3) выделить основные когнитивные типы перевода, обозначить их психолингвистические параметры и свойства в сопоставлении с данными лингвистического переводоведения; 4) обозначить перспективы развития теоретико-методологических основ для изучения, оценки перевода и обучения ему с когнитивно-психолингвистических позиций. **Методы**, используемые в данной статье: анализ ключевой теоретико-методологической литературы в рамках общепризнанных парадигм когнитивно-психолингвистического исследования речевой деятельности и речи; экстраполяция полученных данных на данные лингвистической теории перевода; выявление основных когнитивно-психолингвистических параметров, когнитивных типов перевода и их свойств; сравнительно-сопоставительный анализ ряда речевых образцов – эквивалентов на русском и английском языке для иллюстрации наших положений.

Технология исследования проблемы подразумевает описание основных когнитивно-психолингвистических парадигм исследования речевой деятельности и оценку их объяснительной силы в отношении перевода. На наш взгляд, при рассмотрении речевой деятельности вообще и деятельности переводчика в частности наибольшей объяснительной силой обладают следующие парадигмы. Первая – когнитивная теория А. Н. Баранова – Д. О. Добровольского о существовании трех схем передачи информации в зависимости от полноты и осмысленности (соответственно, перевод по полной, сокращенной и краткой схеме). Вторая – теория глубинных и поверхностных структур языка Н. Хомского. Третья – теория «языковых образов» (Б. М. Гаспаров), совокупностей языковых форм и перцептивных образов объектов реальности. Четвертая – теория кодовых переходов при порождении и восприятии речи, основанная Л. С. Выготским. Пятая – концепция комплекса психолингвистических, когнитивных и личностных компетенций (А. А. Леонтьев), стратегий и идиостиля коммуникатора¹. На основе анализа указанных парадигм определены когнитивные типы перевода – трансформационный, буквальный («сплошное калькирование»), клишированный; выявлены их основные психолингвистические и речедетельностные параметры: семантико-грамматические и образно-концептуальные преобразования (глубинная структура – поверхностные структуры, языковой образ на исходном языке (ИЯ) –

¹ Мы считаем все пять пунктов парадигмами, поскольку изначальные авторские концепции явились весьма плодотворными для дальнейших разработок и породили целые направления в рамках психолингвистики (2-я, 4-я) либо на стыках дисциплин (психологии, психолингвистики и межкультурной коммуникации (1-я, 5-я), литературоведения и психолингвистики (3-я)). Все пять соотносятся друг с другом по принципу дополнения и частного – общего. Например, теория глубинных и поверхностных структур и теория «языковых образов» объясняют частные случаи функционирования внутренней речи и мыслеобразов как операндов универсального предметного кода; в свою очередь, все три теории могут выступать как частное объяснение функционирования трех когнитивных типов перевода. Количественное же предпочтение переводческих высказываний того или иного из трех когнитивных типов перевода позволяет судить о компетенциях переводчика, его предпочтительных стратегиях, мотивациях и идиостиле в целом.

языковой образ на языке перевода (ПЯ)); переключение между внешней речью и внутренней речью. Сопоставление этих параметров с данными лингвистического переводоведения позволяет выявить ряд устойчивых свойств каждого когнитивного типа перевода. Любое конкретное переводческое высказывание может быть оценено по предложенным параметрам, а по совокупности параметров и свойств перевода можно оценить переводческие компетенции, стратегии, мотивации, идиостиль переводчика.

Теоретическая значимость нашего исследования определяется тем, что оно способствует лучшему пониманию переключения кодов при переводе, функционирования внешней и внутренней речи, универсального предметного кода, мыслеобразов и концептуальных представлений. Его **практическое применение** связано с тем, что системное раскрытие особенностей перевода с когнитивно-психолингвистических позиций могло бы способствовать развитию переводческой и коммуникативной дидактики, повышению квалификации переводчика, оратора, профессионального коммуникатора. Надо также учесть, что в реальных ситуациях перевода переводческую деятельность часто осуществляет не лингвист, а специалист в той или иной предметной области, знающий предмет, но не слишком заботящийся о лингвистически нормативных, грамотных формулировках. К тому же с увеличением языковых контактов зачастую бывают ситуации, когда работать приходится непрофессиональным либо неопытным переводчикам. И профессиональные переводчики не застрахованы от неоптимальных когнитивных и психолингвистических операций и, соответственно, неадекватных переводческих решений. Во всех этих случаях для кратких, емких, оперативных рекомендаций по переводу полезно иметь целостный взгляд на речемыслительную деятельность переводчика, системные когнитивные и психолингвистические представления о ней. Когнитивно-психолингвистическая теория перевода могла бы способствовать пониманию, на какой именно речемыслительный аспект следует обратить внимание.

2. Определение понятия «перевод», основные виды перевода по форме и процедуре

Прежде чем излагать значимые парадигмы, в рамках которых можно описывать и оценивать перевод с когнитивно-психолингвистической точки зрения, отметим, что мы исходим из понимания совокупности компетенций переводчика как вида билингвизма; переводчиков же как социально-профессиональную группу, постоянно взаимодействующую как на родном, так и на иностранном языке, относим к билингам¹. Соответственно, перевод мы будем считать билингвальной речевой деятельностью (наряду с таковой в естественном двуязычном или диглосном общении, в ситуации учебного билингвизма (обучение иностранному языку в школе, вузе)).

Дадим когнитивно-психолингвистическое определение понятия перевода, а также обозначим свойства его основных видов. Перевод есть билингвальный рецептивно-репродуктивный вид речевой деятельности, предполагающий совокупность смыслового восприятия, осмысления и репродуктивного изложения текста (высказывания) и основанный на развитых языковых и экстралингвистических компетенциях и способности воссоздавать и передавать средствами ПЯ концептуальное представление, соответствующее концептуальному представлению на ИЯ.

Основные виды перевода по форме и процедуре – устный последовательный, устный синхронный и письменный. Обобщая их свойства, мы можем представить их в виде Схемы 1, где:

- 1 – мера слитности рецептивного и репродуктивного процесса (мера задействования оперативной памяти и интенсивности процессов речевой деятельности);
- 2 – мера социальной, а не когнитивной опосредованности мотивации (интенций) переводческих высказываний;
- 3 – мера продуктивности (участия творческого элемента);
- 4 – мера полноты и глубины замысла.

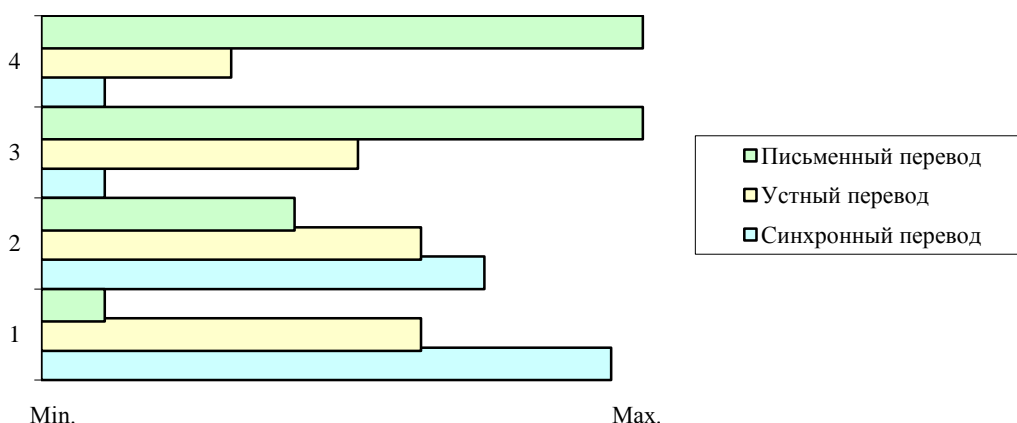

Схема 1. Свойства видов переводов на основе исследования И. А. Зимней [9]

¹ Билингвизм можно кратко определить как языковой феномен, означающий функционирование индивида на двух языках с одинаковой или разной степенью компетентности. Используя языковые способности и компетенции, билингвы выполняют умственное и языковое «кодовое переключение» [18] – когнитивно-психолингвистические операции, сопровождающие переход с одного языка на другой. Билингвы также «переключают» социальные и культурные коды, основанные на языках как части социума и культуры, что обуславливает постоянную символическую смену их социальной и культурной идентичности.

Дадим небольшое пояснение к Схеме 1. Как отмечает И. А. Зимняя, в синхронном переводе велика роль вероятностного прогнозирования и памяти (особенно оперативной); от этого зависит темп и качество работы переводчика. Рецептивный и репродуктивный процессы достигают наиболее полного «слияния» именно в этом виде перевода. Что касается мотива в переводе, то он, по И. А. Зимней, всегда носит опосредованный характер. «Предмет деятельности – воспринимаемая и воспроизводимая мысль – удовлетворяет социальную потребность через удовлетворение вызванной ею когнитивно-коммуникативной собственной потребности». При этом по степени опосредованности мотивации перевода именно социальными потребностями его виды достаточно явно различаются «от наибольшей опосредованности мотивации в синхронном до наименьшей опосредованности... в письменном переводе» [9, с. 133]. Наиболее продуктивным, а также полным и глубоким по степени раскрытия авторского замысла является письменный перевод [9]. Мы же в данной статье будем исходить из наиболее распространенного вида перевода – устного последовательного, выводы относительно психолингвистических характеристик которого могут быть распространены и на другие два вида перевода.

Перейдем к описанию пяти основных когнитивно-психолингвистических парадигм речевой деятельности, тем самым решая задачу определения когнитивно-психолингвистических параметров анализа перевода.

3. Парадигма трех схем передачи информации

в зависимости от полноты и осмысленности передаваемой информации

Когнитивная модель А. Н. Баранова – Д. О. Добровольского показывает, что существуют три схемы передачи информации – полная, сокращенная и краткая. Исходя из этого, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский постулируют также перевод по полной, сокращенной и краткой схемам [2]. Они поясняют, что «в процессе перевода, в зависимости от его задач и условий, постоянно осуществляется переход от требующей наибольшей затраты когнитивных ресурсов полной схемы к наименее трудоемкой краткой через занимающую промежуточное положение сокращенную и обратно» [Там же]. Рассмотрим упомянутые схемы передачи информации / перевода (см. Схему 2):

а) полная схема подразумевает построение некоторого концептуального (понятийного) представления языковыми средствами с учетом всей полноты знаний, связанных со знаком, которые в связи с конкретным речевым актом могут быть привлечены коммуникантом (в т.ч. переводчиком или переводящим устройством) для максимально более глубокого понимания сообщения. Передача информации по полной схеме – это не подбор лингвистических соответствий, а понятие, осмысленное и прочувствованное понимание смысла плюс порождение высказывания;

б) сокращенная схема предполагает установление лингвистических соответствий для информации в некотором языке (или соответствий между смыслами высказываний на языке-источнике и языке-цели при переводе); при этом смыслы не выходят за пределы словарных значений, не подразумевают охвата их лингвокультурной семантики; при этом код-посредник (универсальный предметный код, УПК) не подключается и трансформации мышлеобраза не происходит;

в) краткая схема подразумевает, что в некоем речевом акте лингвистические соответствия устанавливаются автоматически, стереотипно вслед за сформировавшейся стереотипной мыслью. Сюда входят клише, идиомы, прецедентные высказывания, этикетные формулы типа «Дамы и господа!», «С днем рождения!».

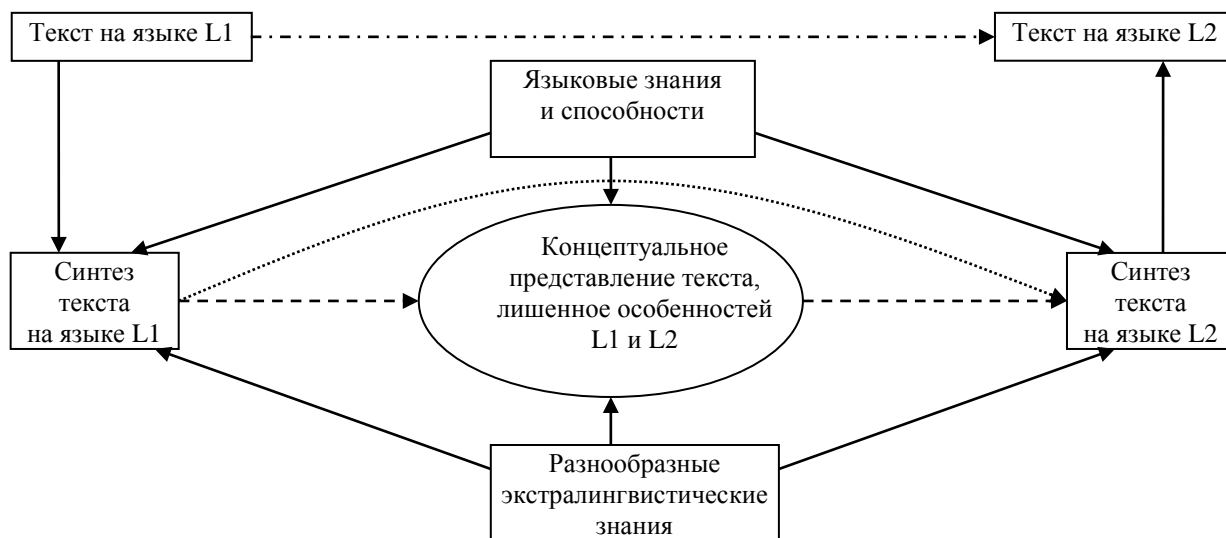

Схема 2. Когнитивная схема перевода по А. Н. Баранову – Д. О. Добровольскому [2].

Пунктиром обозначена полная схема, мелким пунктиром – сокращенная схема, пунктиром с точкой – краткая схема перевода

Как поясняют А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, при переводе по полной схеме переводчик выстраивает и привлекает «концептуальное представление» (мыслеобраз) содержания текста (высказывания), не зависящее

от особенностей ИЯ и ПЯ; по сокращенной схеме происходит подбор эквивалентных соответствий между единицами и смыслами текстов (высказываний) на ИЯ и ПЯ, при этом «концептуальное представление» в качестве посредника не задействуется; по краткой схеме используются клишированные, шаблонные переводные соответствия между выражениями оригинала и перевода.

При этом мы понимаем концептуальное представление как когнитивный конструкт (образ-схема, фрейм, скрипт и т.п.), включающий определенным образом структурированные и в то же время текуче-изменяемые компоненты, которые отражают более или менее целостное представление о предмете, лице или явлении действительности. Мыслеобраз предполагает единство образа (визуального или относящегося к другим органам чувств) некоего предмета, лица или явления и соответствующих *актуальных* на данный момент для личности компонентов представления о нем. Понятие мыслеобраза несколько уже концептуального представления. Оба они (но прежде всего – мыслеобраз) составляют ментальную основу универсального предметного кода – по Н. И. Жинкину – «стыка речи и интеллекта», «языка образов и схем», сопровождающего внутреннюю речь. На основе задействования кода УПК и смешанного образно-предметного и языкового кода и «совершается перевод мысли на язык человека» [Цит. по: 7, с. 228-230].

4. Парадигма глубинных и поверхностных структур

Второй когнитивно-психолингвистической парадигмой, более узкой и касающейся конкретных грамматических конструкций, но тем не менее обладающей большой объяснительной силой для понимания сущности билингвизма и перевода, мы считаем *теорию порождающей грамматики*, основными понятиями которой являются *глубинные и поверхностные структуры* (ГС и ПС). Теория Н. Хомского постулирует наличие нескольких глубинных структур (viz. NP + VP, V + N (Obj), Attr + N, V + Adjunct, Det + N, то есть существительное + глагол, глагол + существительное (объект), атрибут + существительное, глагол + обстоятельство, определитель (артикл) + существительное). Эти структуры составляют единую для всех языков «универсальную грамматику» и, с точки зрения Хомского, свидетельствуют об «универсальном языке мысли» (“mentalese”). При порождении речи упомянутые глубинные структуры с помощью трансформаций преобразуются в поверхностные структуры – синтаксические структуры разнообразного вида, составляющие высказывание на том или ином живом языке. При восприятии речи, напротив, поверхностные структуры, составляющие высказывание на том или ином живом языке, раскладываются на структуры более низкого порядка, в конечном счете – на минимальные кванты понимания взаимоотношений предметов и явлений действительности.

Приведем несколько концепций, развивающих теорию Хомского и также входящих во вторую парадигму. Согласно Л. С. Бархударову, глубинные синтаксические отношения «характеризуются, в первую очередь, не формами своего выражения, а своей семантикой, своей содержательной характеристикой. Можно предполагать, что эти отношения являются одинаковыми для всех языков, хотя их формальное выражение в поверхностной структуре предложения разнится от языка к языку. К числу глубинных синтаксических связей, по нашему мнению, следует отнести такие, как “действие – деятель” (студент читает), “действие – объект действия” (студент читает книгу), “действие – адресат действия” (студент дал брату книгу), “определятельную” связь в самом широком смысле слова, то есть связь “субстанции” и ее признака (студент умен, умный студент; громко говорит, громкий разговор и пр.) и др. Внутри этих основных типов глубинной синтаксической связи можно также выделить определенные подтипы; например, внутри “определятельной” связи можно выделить связь темпоральную, локальную, причинно-следственную и пр.» [3, с. 165]. К сожалению, кратко очертив свое видение приложения порождающей грамматики к переводоведению, свои взгляды в этом направлении Л. С. Бархударов не развил.

На наш взгляд, с практической точки зрения целесообразно не столько постулировать и каталогизировать универсальные, общие, сколько лингвоспецифические глубинные и поверхностные структуры. Сюда входят: 1) ГС, усвоенные с раннего детства и отражающие простые предметные ситуации, чья семантико-грамматическая структура модифицирована традицией когнитивно-логического отражения действительности (например, Меня зовут... / My name is...; Мне... лет / I am... years old; У меня есть... / I have...; На улице тепло. / It's warm outside; Идет дождь. / It's raining и т.п.); 2) семантико-грамматические ПС, усвоенные в процессе дальнейшей социализации (образование, профессиональная деятельность, коммуникативно-информационная среда) и отражающие более сложные предметные ситуации, чья семантико-грамматическая структура модифицирована не только традицией когнитивно-логического отражения действительности, но и лингвокультурой и прагматикой (например, We are running out of time. / У нас мало времени; Why would I? / С какой стати?; He is too young to be appointed. / Он слишком молод для этой должности; I woke to find Maud cooking a meal. / Я проснулся, когда Мод уже готовила завтрак; чтобы хватило на всех присутствующих – to be enough to go round; У нас кончается хлеб. / We are running short of bread; В тот год зима в Москве была холодной. / Moscow saw a cold winter that year).

Формально правильный, но буквальный перевод таких ГС и ПС нарушает нормы сочетаемости, когнитивного ракурса и фокуса при отражении предметной ситуации [18, p. 363-396], что нередко приводит к бессмыслице, ср.: Меня зовут... / They call me...; Мне... лет. / Me... years; У меня есть... / With me is (are)...; На улице тепло. / In the street (is) warm; Идет дождь. / The rain is going; We are running out of time. / Мы исчерчиваем время; Why would I? / Почему я должен был бы это сделать?; He is too young to be appointed. / Он слишком молод, чтобы его назначили; I woke to find Maud cooking a meal. / Я проснулся, чтобы обнаружить Мод готовящей еду; чтобы хватило на всех присутствующих – to be enough for all present; У нас кончается хлеб. / Bread is finishing with us; С какой стати? / From what need?; В тот год зима в Москве была холодной. / That year winter in Moscow was cold (примеры и перевод авторов статьи. – Е. Ш., Е. Я.).

Задача каталогизации таких семантико-грамматических структур постепенно решается лингвистами, переводоведами, лексикографами, например Е. В. Падучевой, Ю. С. Мартемьяновым, Ю. Д. Апресяном, И. Мельчуком в рамках модели «Смысл – Текст» и др., в настоящее время ее все более успешно решают разработчики автоматических переводчиков, например Google translate, Яндекс.Переводчик, Prompt и др.

5. Семантико-образная парадигма

Третьей когнитивно-психолингвистической (и одновременно лингвокультурной) парадигмой, обладающей значительной объяснительной силой для понимания деятельности переводчика, представляется *семантико-образная парадигма, т.е. совокупные теории интертекстуальных, прецедентных, миметических фраз с устойчивым образом и культурным смыслом*. В принципе, третья парадигма смыкается с описанной выше второй, они могут быть не разделены, как в данной статье, а объединены в виде единой *парадигмы порождающей грамматики и семантики речемыслительной деятельности*. И логико-грамматические отношения потенциальных компонентов высказывания, и узуальные словосочетания в совокупности со стоящими за ними образами (а также стереотипами, ценностями, этнокультурно обусловленными и социально интериоризированными смыслами), на наш взгляд, в расширительном плане можно трактовать как «глубинные структуры»¹.

Глубинные структуры, как грамматические, так и семантико-образные, связаны с усвоенной в раннем возрасте речью на родном языке (и/или языке обучения в школе) и с функционированием правого полушария головного мозга. «Родной язык обладает богатейшими возможностями для передачи таких смыслов, и возможности эти обеспечиваются образными компонентами мышления. <...> ...речь в родном языке формируется параллельно возможностям образного контекста и с опорой на эти возможности» [15]. Поверхностные же структуры как на родном, так и на втором языке происходят: 1) от вербализации глубинных структур, исходя из целей и смыслов говорящего в той или иной коммуникативной ситуации²; 2) от вербализации прагматически релевантных идиом, паремий, клише, речевых штампов; 3) от полуавтоматического, не вполне осмысленного воспроизведения знаково-информационного материала (перекликаясь с первой вышеописанной нами парадигмой, можно сказать, что в первом случае мы имеем дело с переводом по полной схеме, во втором – с переводом по краткой схеме, в третьем – с переводом по сокращенной схеме).

Остановимся на наиболее четкой, на наш взгляд, теории в рамках третьей парадигмы – теории Б. М. Гаспарова [6], согласно которой в сознании носителя языка имеются т.н. «языковые образы» как устойчивые интертекстуальные комплексы языковых форм и перцептивных образов. *Ex una parte*, это усвоенные узуальные языковые выражения и стоящие за ними представления (которые, по мнению Гаспарова, имеют преимущественно зрительный характер); *ex altera parte*, это образы и другие кванты культурной информации (топосы, стереотипы и т.п.), оформленные типичными словесными структурами, отраженные прецедентными высказываниями.

Языковым образам присуща воспроизводимость (воссоздаваемость в воображении); множественность (ряд образных картин); узнаваемость; пластичность (способность к перевоплощениям); разная степень сфокусированности (от яркой, отчетливой картинки до расплывчато-неопределенного следа); варьирование осознанности/неосознанности перцепции; способность к маркированию дискурса («в качестве яркой “вехи” определяет перспективу всего окружающего смыслового ландшафта» [Там же, с. 272]).

В плане языковой формы языковой образ воплощается: 1) в отдельных словоформах в окружении поля сочетательных возможностей; 2) в готовых словесных группах с различными возможностями модификации, расширения, усечения, замены; 3) в синтактико-интонационных фигурах, заполненных опорными словами

¹ В связи с обсуждением глубинных и поверхностных структур как принципиальных понятий для выработки психолингвистической теории перевода считаем целесообразным также упомянуть спорную, но небезынтесную концепцию «надстраивания» у билингвов (в т.ч. переводчиков) иноязычных поверхностных структур на базу глубинных структур родного языка [15]. Последние являются наиболее прочными, они соответствуют раннеприобретенному материнскому языку и/или закреплены через школьное образование и раннюю социальную коммуникацию индивида. Поверхностные структуры и родного, и второго языка базируются на приобретенных в ранние годы глубинных структурах. При этом оперирование глубинными структурами предполагает использование функциональных возможностей правого (чувственно-образного) полушария головного мозга, а поверхностными – левого (рационально-логического) полушария. Речь на родном языке задействует и левое, и правое полушария, а речь на втором языке «целиком базируется на функциональных возможностях левого полушария». Впрочем, даже если признать детерминированность у индивида структур на более позднем (втором, иностранном) языке левым полушарием, при коммуникации на нем правое полушарие не бездействует. Ведь естественная передача эмоционально-аксиологической составляющей и эмпатия к коммуникантам, для чего требуется правополушарное подключение, – важное условие успешного общения и успешного перевода. Вероятно, у говорящего на втором языке билингва в разной степени формируется «аффективная аффинность» – близость эмоций и аффектов с представителями иной культуры, проявляющаяся в способности понять и понятно выразить юмор, веселье, восторг, гнев, боль, разочарование и проч. Важна и поведенческая аффинность – выработанность адекватных навыков (речевого) поведения в конкретных житейских ситуациях. У билингвально-бикультурного индивида наблюдается то, что ряд ученых называют интеграцией, т.е. идентификацией как со своей, так и с чужой культурой [8], а также переход от одной аффективной и поведенческой модели к другой. Впрочем, доказано, что билингвально-бикультурное равновесие – редкое явление, человек избирает один язык и одну лингвокультуру как основу для когниции и коммуникации или пребывает в диглосной среде, где социальные сферы действия языков достаточно жестко разграничены.

² Отметим перспективность изучения процесса «выведения на поверхность» глубинных структур при целеобусловленном интенциональном производстве речи, скажем, при выступлении, произнесении речи, в заинтересованном диалоге, переговорах.

в окружении полей словоформ и словосочетаний, пригодных для полного воплощения; 4) в готовых репликах-высказываниях с возможностями модификации (афористичных и прецедентных высказываниях); 5) в различных риторических «жестах»; 6) в крупных речевых блоках и текстах, ассоциируемых с теми или иными «жестами», в прецедентных текстах; 7) в отдельных кусках текстов и речений, устных и письменных, прозаических и поэтических, «которые говорящий помнит с разной степенью отчетливости – будь то точное знание наизусть, или приблизительное, размываемое лакунами воспоминание, или смутный, едва просвечивающий в памяти образ» [Там же, с. 105]; 8) в коммуникативном контуре высказывания (включающем в себя мелодико-кинетическую кривую; конкретные слова и выражения; фразы-прецеденты; поля потенциального языкового материала, притягиваемого реализуемым «эскизом»; коммуникативную окрашенность; тематический и жанровый потенциал употребления); 9) в речевых швах – местах сращения, или «сшивания», исходных компонентов языкового материала для создания более обширных речевых образований. В плане перцептивной реализации языковой образ воплощается: 1) в готовых визуальных/аудиальных фрагментах действительности, возникающих перед глазами или «мысленным взором» и воплощающихся в языковой ткани; 2) в развертываемых (динамических, преобразующихся) визуальных образах в виде кинокадров и эпизодов; 3) в контаминированных образах фрагментов действительности, иногда лингвокультуры только одного языка, иногда – лингвокультур нескольких языков.

В отношении психолингвистики перевода теория языковых образов важна, прежде всего, с точки зрения гармоничности, синергетичности переводческого пространства (Л. В. Кушникова [13]), присущего переводчику стремления к достижению гармонического идеала вербальной формы и концептуального представления. Она означает правильное понимание, «внутреннее видение» перцептивного образа на ИЯ, трансформацию этого образа в адекватный и приемлемый образ на ПЯ. Также важен адекватный ассоциативный ряд, т.е. побочные образы и ассоциации, вызываемые используемыми словами. Важна и приемлемость языкового выражения: благозвучие и «гладкость» (fluency); соответствие языковым/речевым нормам и стандартам; интенциональность (выразительность, привлекательность); адекватный выбор лингвистических средств, включая индикаторы речевой престижности¹.

6. Парадигма кодовых переходов между внешней речью, внутренней речью и «языком образов и схем»

Четвертой психолингвистической парадигмой изучения перевода как одной из форм двуязычной коммуникации является *теория кодовых переходов между внешней речью, внутренней речью и УПК («языком образов и схем»)*. Эта теория фактически описывает: 1) при речевом восприятии – переход от внешней речи через акустический паттерн/код к семантико-грамматическому паттерну/коду (этап внутренней речи), затем через внутреннюю речь к универсальному предметному коду, а через него – к мыслеобразу (концептуальному представлению); 2) при речепроизводстве – переход мыслеобразов (концептуальных представлений) через универсальный предметный код к этапу внутренней речи и впоследствии через акустико-артикуляционный код во внешнюю речь.

Краткую историю становления этой теории описывают И. А. Стернин и М. Я. Розенфельд [16, с. 280]. Основы теории кодовых переходов при производстве и восприятии речи были заложены Л. С. Выготским, который полагал, что мышление и речь предполагают взаимные кодовые переходы. В основе мышления лежат субъективные значения собственно знаков и предметов (явлений), воспринимаемых как знаки, а внешняя речь разворачивается в соответствии с законами языкового кода. Между мыслью и речью (высказыванием) существует внутренняя речь, которая является промежуточным кодом. Преобразование мысли во внешнее слово проходит через несколько фаз, несколько разных процессов: «...от смутного замысла речи – к развитию этого замысла сначала во внутренней, а затем и во внешней речи» [5, с. 49]. Н. И. Жинкин развивает идею Л. С. Выготского: мысль возникает в универсально-предметном коде (УПК, «языке образов и схем»), затем перекодируется в промежуточный код, который, в свою очередь, перекодируется во внешнюю речь. При понимании речи происходит обратный процесс: речь перекодируется сначала в промежуточный код, а затем в УПК и попадает, таким образом, в долговременную память. Н. П. Бехтерева экспериментально показывает нейролингвистическую природу кодовых переходов при восприятии речи: 1) сначала в сознании появляется паттерн, отражающий звуковые атрибуты слова; это первая фаза обработки вербального сигнала мозгом, первая фаза кодовых переходов; 2) первичная акустическая картина претерпевает трансформацию, связанную с анализом значения представленного слова; возникает «компрессированный промежуточный паттерн», который повторяет все основные признаки акустического сигнала, но в нем появляются семантические элементы; если слово знакомо субъекту, паттерн преобразуется в значение (смысл) слова, если незнакомо – задерживается в кратковременной памяти; 3) промежуточный паттерн преобразуется в тот, который более не связан с акустическим появлением слова и является семантико-грамматическим (смысловым), в терминологии Н. П. Бехтеревой – «вторичным нервным», или «автономным», кодом, по Н. И. Жинкину – УПК. Слова, близкие по смыслу в автономном коде, образуют смысловые паттерны, в то время как слова, близкие по звучанию, имеют сходные акустико-артикуляционные паттерны².

Схематически можно говорить о следующих кодовых переходах.

¹ Ср. схему принципов и максимум речевой успешности Р. Келлера и Б. Крофта [18, р. 133].

² Перестройки второго и третьего типа полностью отсутствуют в паттернах активности при восприятии квазислов, бессмысленных звукосочетаний. При этом при обработке квазислов наблюдаются всплески артикуляторной активности.

Речевосприятие

Внешняя речь > акустико-артикуляционный паттерн/код > промежуточный (семантико-грамматический) паттерн/код > УПК > мыслеобраз

Речепорождение

Мыслеобраз > УПК > промежуточный (семантико-грамматический) паттерн/код > артикуляционно-акустический паттерн/код > внешняя речь

Внутренняя речь в такой схеме соответствует комплексу акустико-артикуляционных и семантико-грамматических паттернов и кодов. Однако внутренняя речь – это не только паттерны, но и процессы, когнитивные операции. Сущность процесса преобразования мысли в речь раскрывается представителями Московской психолингвистической школы, прежде всего, Т. В. Ахутиной и А. А. Леонтьевым. Приведем их понимание этого процесса в виде таблиц (Таблица 1, Таблица 2)¹.

Таблица 1. *Процесс порождения речи по Т. В. Ахутиной [1]*

Мотив
Преобразование мысленного образа прошедше-настоящего в образ потребного будущего
Смысловое синтаксирование
Семантическое синтаксирование
Поверхностное синтаксирование
Кинетическое программирование

Таблица 2. *Этапы порождения речи по А. А. Леонтьеву [14]*

№	Этап процесса	Код, подкоды	Когнитивные операции
1.	Мотив, ориентировка		
2.	Внутреннее программирование	Предметно-схемный код	Операции включения, перечисления, сочленения
3.	Внутренняя речь, семантико-грамматическая реализация внутренней программы	Семантико-грамматический («промежуточный») код. Подкоды: 1) тектограмматический	Операции: а) выбор семантических признаков слова (имени); б) приписывание ему семантических признаков, которые превратятся в предидирующие компоненты высказывания – глаголы, прилагательные и др.
		2) фенограмматический	Операции: а) распределение семантических признаков между несколькими кодовыми единицами; б) линейное распределение кодовых единиц в высказывании, еще не имеющих четких грамматических характеристик, выделение темы и ремы, актуальное членение высказывания
		3) синтаксическое прогнозирование	Операции: а) проектирование правильных синтаксических конструкций, инверсия отдельных слов и предикативных пар, их «переезд» на новое место; б) выбор «грамматических обязательств»; в) выбор слов на основе их ассоциативно-семантических характеристик, звукового облика и их субъективной вероятностной характеристики; г) выбор акустико-артикуляционных (или графических) признаков
		4) синтаксический контроль	а) соотнесение прогноза с программой, контекстом, ситуацией (ситуацией общения); б) если противоречия нет, движение дальше слева направо, выбор очередного слова на основании различных признаков, приписывание ему полной характеристики и новая проверка на соответствие программе и другим факторам; в) если возникает несоответствие, меняем прогноз (приписываем высказыванию другую синтаксическую схему, затем новую и так до совпадения), трансформируем предложение или программируем высказывание заново

¹ Отметим, что приведенные ниже краткие табличные описания отличаются от ранней модели порождения речи А. А. Леонтьева – Т. В. Рябовой (Ахутиной), поскольку не рассматривают взаимодействия парадигматического и синтагматического механизмов. В целом наиболее подходящей, «рабочей» в приложении к нашему материалу считаем концепцию порождения речи позднего А. А. Леонтьева (Таблица 2), которая органично интегрирует упомянутый момент, имплицитно взаимодействуя парадигматического и синтагматического механизмов в последовательности тектограмматического, фенограмматического, темарематического, поверхностно-синтаксического и контрольного подэтапов внутренней речи.

№	Этап процесса	Код, подкоды	Когнитивные операции
4.	Внутренняя речь, этап моторного программирования	Артикуляционно-акустический код	
5.	Внешняя речь		

Синтезируя эти концепции, можно прийти к выводу, что внутренняя речь представляется сложным феноменом и процессом кодирования, состоящим из следующих этапов и кодов (а также их подэтапов и подкодов): 1) семантико-грамматический (тектограмматический, фенограмматический, темарематический, поверхностно-синтаксический); 2) артикуляционно-акустический. Семантико-грамматический код соответствует ранее упомянутому «промежуточному» коду внутренней речи, в дальнейшем мы будем пользоваться термином «семантико-грамматический».

Отличия кодовых переходов в билингвальных ситуациях и процессах по сравнению с монолингвальными ситуациями и процессами значительны и требуют пояснения. При речепроизводстве у монолингвов мыслеобраз переходит в однотипные паттерны внутренней речи (последовательности семантико-грамматических и акустико-артикуляционных кодов) и затем – во внешнюю речь, у билингвов же – в разнотипные, в зависимости от того, на каком языке будет производиться внешняя речь. При речевосприятии у монолингва внешняя речь на одном языке переходит через этап внутренней речи и УПК в единый мыслеобраз, у билингва же, слышащего внешнюю речь на разных (двух) языках, внутренняя речь также происходит на разных языках, в результате чего через этап УПК складываются мыслеобразы – либо подобные, либо различающиеся, либо синтезирующие черты обоих языков.

Кодовые переходы у переводчиков аналогичны кодовым переходам у билингвов вообще, но отличаются: 1) сочетанием или практическим наложением речевосприятия на речепорождение; 2) двуязычной коммуникативной ситуацией, в случае сменяющихся адресанта и адресата – двусторонней коммуникацией на двух разных языках; 3) своеобразием речевых актов, подразумевающих передачу сообщения адресанта третьему лицу – адресату – на другом языке; 4) несамостоятельностью, опосредованностью речи адресантом (субъектом, передающим сообщение), отсюда необязательное задействование всех кодов и подкодов при речемыслительной деятельности, усечения в процессе переключения кодов, несвойственные самостоятельной речи; в условиях дефицита времени устный и стенографический письменный перевод допускает «сплошное калькирование» – дословный, буквальный перевод, при котором, как мы предполагаем, могут отсутствовать звенья мыслеобразов, УПК, нет тектограмматического и частично фенограмматического перекодирования мысли/речи; 5) специфической стрессовой ситуацией устного перевода, требующей быстрого принятия решения и не предполагающей исправлений, что обуславливает сбой этапа контроля, благодаря чему озвучивается слабо обработанная или необработанная внутренняя речь.

Полный цикл кодовых переходов при переводе можно представить следующим образом (Таблица 3):

Таблица 3

Речемыслительный процесс	Этап	Подэтап
Речевосприятие (первичные интерпретация и понимание)	внешняя речь	внешняя речь на исходном языке (ИЯ) >
	внутренняя речь	акустические коды на ИЯ >
семантико-грамматические коды на ИЯ (поверхностно-синтаксический, темарематический, фенограмматический, тектограмматический) >		
Мышление (вторичные интерпретация, понимание, осмысление)	УПК	мыслеобраз на ИЯ >
		мыслеобраз на ПЯ >
Речепорождение	внутренняя речь	семантико-грамматические коды на ПЯ (тектограмматический, фенограмматический, темарематический, поверхностно-синтаксический) >
		артикуляционные коды на ПЯ >
	внешняя речь	внешняя речь на ПЯ

Неполный, усеченный цикл кодовых переходов при буквальном переводе («сплошное калькирование», пословное перекодирование) выглядит так (Таблица 4):

Таблица 4

Речемыслительный процесс	Этап	Подэтап
Речевосприятие	внешняя речь	внешняя речь на исходном языке (ИЯ) >
	внутренняя речь	акустические коды на ИЯ >
семантико-грамматические коды на ИЯ (поверхностно-синтаксический, темарематический) >		
Речепорождение	внутренняя речь	семантико-грамматические коды на ПЯ (фенограмматический (частично), поверхностно-синтаксический) >
		артикуляционные коды на ПЯ >
	внешняя речь	внешняя речь на ПЯ

7. Парадигма компетенций, стратегий и идиостиля переводчика как речевого коммуникатора

Пятая психолингвистическая парадигма, обладающая значительной объяснительной силой для описания психолингвистической сути перевода, включает теории, исходящие из релевантных характеристик субъекта коммуникации. Здесь, прежде всего, выделяется концепция А. А. Леонтьева в отношении комплекса психолингвистических, когнитивных и личностных компетенций речевого коммуникатора. Психолингвистические компетенции коммуникатора определяются основополагающей триадой системы языка по Л. В. Щербе: речевая деятельность, языковая система, языковой материал. Эти компетенции включают в себя знания языковой системы, речевые навыки, коммуникативно-речевые умения, апроприацию/воссоздание языкового материала. Особое значение имеют умения и навыки речевой деятельности («речевые навыки» и «коммуникативно-речевые умения»), влияющие на автоматизм и незатрудненность операций. Под речевым навыком А. А. Леонтьевым понимается «речевая операция, осуществляемая по оптимальным параметрам... бессознательность, полная автоматичность, соответствие норме языка, нормальный темп (скорость) выполнения, устойчивость, то есть тождество операции самой себе при изменяющихся условиях. Если по этим критериям (параметрам) речевая операция нас удовлетворяет, значит... речевой навык сформирован» [14, с. 221]. Также важна сформированность коммуникативно-речевых умений. «Речевые навыки по своей природе – стереотипные, механические. А коммуникативно-речевые умения носят творческий характер: ведь условия общения никогда не повторяются полностью, и каждый раз человеку приходится заново подбирать нужные языковые средства и речевые навыки» [Там же, с. 222]. Переводчик осуществляет анализ референтной ситуации, условия речевого общения и соотносит с ними избираемые им языковые и речевые средства перевода. *Когнитивные компетенции*, согласно А. А. Леонтьеву, означают усвоение присущего соответствующему народу образа мира, видение мира через призму национальных культур, одним из важнейших компонентов которых (и средством овладения которыми) и является язык [Там же]. Говоря о роли когнитивных компетенций в переводческой деятельности, следует выделить переключение с имени референта на исходном языке на соответствующее имя на языке перевода, адекватную вербальную репрезентацию референтных ситуаций, сегментов образов мира, отраженных в языках. В некоторых случаях в процессе перевода переводчик вынужден переконцептуализировать и перекатегоризировать единицы оригинала в соответствии с иноязычной языковой картиной мира. Возможность такого рода операций при переводе основывается, с одной стороны, на знании системы знаков разных языков и, с другой стороны, на знании особенностей образов мира и отраженных символических картин мира («языковых картин мира») соответствующих культур. *Личностные компетенции*, по А. А. Леонтьеву, включают личностную и групповую идентичность коммуникатора; диспозиции, мотивации, аттитуды (личностные установки, отношения) к родному и иностранному языкам, речи на них; культурам [Там же].

Структура коммуникативно-речевых компетенций, по А. А. Леонтьеву, имеет параллели с постулированными Ю. Н. Карауловым вербально-семантическим, лингвокогнитивным, мотивационным компонентами языковой личности. В отношении структуры языковой личности непосредственно переводчика выделяются следующие особенности [10; 16]. Вербально-семантический уровень языковой личности переводчика формируется компетенциями, позволяющими преодолевать несовпадения языковых систем и речевых норм, частотные несовпадения; компетенциями, позволяющими реализовать потенции языков; способностью адекватно переключать регистры речи; гармоничностью и выдержанностью идиостиля. Существенна развитость языковых/речевых способностей переводчика. Лингвокогнитивный уровень языковой личности переводчика формируется компетенциями, связанными с лингвокогнитивными трансформациями (усиление, ослабление, замены образов и концептов), с трансляцией особенностей картины мира исходного текста, лингвокультурных реалий, системы ценностей и менталитета породившей текст культуры. Мотивационный уровень языковой личности переводчика включает компетенции, связанные с этикетом исполнения заказа, знанием традиции перевода текстов того или иного жанра, верностью канонам переводческой школы, умением определять уместные (пертинентные) стратегии перевода, способностью ставить переводческую сверхзадачу (формировать суперинтенцию).

8. Определение когнитивно-психолингвистических параметров перевода и выявление его свойств

В данном разделе решим поставленные нами задачи 2 и 3. Синтезируя пять вышеописанных парадигм, можно сформулировать соответствующие когнитивно-психолингвистические параметры перевода: (1) степень полноты передачи информации; (2) соответствие глубинных структур поверхностным и соответствие поверхностных структур ИЯ и ПЯ; (3) адекватность языковых образов в тексте на ПЯ соответствующим образам в тексте на ИЯ; (4) качество обработки внутренней речи; (5) компетенции, стратегии и идиостиль переводчика.

Ключевым из указанных считаем параметр полноты передачи информации, то есть в применении к переводу – *параметр перевода по полной, сокращенной и краткой схемам (парадигма 1)*, остальные параметры предоставляют теоретико-методологический инструментарий для описания этих схем перевода с когнитивно-психолингвистической точки зрения.

Указанные схемы соответствуют трем когнитивным типам перевода: перевод по полной схеме – трансформационному, перевод по сокращенной схеме – буквальному («сплошное калькирование»), перевод по краткой схеме – клишированному, шаблонному. Проанализируем эти когнитивные типы перевода по оставшимся параметрам, выявим их основные свойства.

В связи с параметрами соответствия глубинных структур поверхностным и поверхностных структур ИЯ и ПЯ, а также адекватности языковых образов текстов ИЯ и ПЯ (парадигмы 2, 3 порождающей грамматики и порождающей семантики) можно сказать, что:

1) перевод по полной схеме – «трансформационный» – с точки зрения порождающей грамматики предстает как анализ поверхностных структур переводимого высказывания, вычленение информации, соотнесение

квантов информации с глубинными структурами, синтез/трансформации глубинных структур в поверхностные структуры языка перевода. С точки зрения порождающей семантики происходит трансформация мыслеобраза исходного высказывания в новый, обеспечивающая семантическую, образно-смысловую и лингвокультурную адаптацию текста. Лингвистически это перевод с помощью синтаксических, морфологических, лексико-грамматических трансформаций, компенсации, трансформаций образа. Например: They had reached the mysterious mill where the red tape was spun, and Yates was determined to cut through it here and now. / Они уперлись в стену штабной бюрократии, но Йейтс твердо решил тут же пробить эту стену [11]; сидеть, положив ногу на ногу – to sit with one's knees crossed (здесь и далее примеры и перевод авторов статьи. – Е. Ш., Е. Я.); пройти сквозь огонь, воду и медные трубы – go through the mill;

2) перевод по сокращенной схеме – «сплошное калькирование» – с точки зрения порождающей грамматики означает простой трансфер поверхностных структур ИЯ на ПЯ, минуя глубинные, иными словами, обращение к глубинным структурам отсутствует или присутствует в минимальном объеме. Также отсутствует когнитивная обработка и трансформация мыслеобраза (концептуального представления) исходного высказывания, присутствует лишь минимальная обработка его языковой формы. Лингвистически это дословный перевод, «сплошное калькирование», почти пословное перекодирование и использование в качестве лексических соответствий простых языковых соответствий – эквивалентов в первом словарном значении. Например, One should absolutely avoid keeping the treadle constantly pressed. / Следует абсолютно избегать техники держать постоянно нажатой эту педаль; С условием сделки ознакомлен. / I am familiarized with the terms of the deal;

3) перевод по краткой схеме – «клишированный перевод» – с точки зрения порождающей грамматики подразумевает заученное или полуавтоматическое воспроизведение устойчивой поверхностной структуры (клише, речевого штампа, идиомы) на ПЯ, соответствующей клише, речевому штампу или идиоме на ИЯ, хотя у обоих готовых речений разные глубинные структуры и языковые образы. Лингвистически это перевод с помощью идиоматических эквивалентов, или «функциональных аналогов». Этот тип перевода наблюдается, скажем, при передаче ритуальных формул типа: Добрый день – Hello; С днем рождения – Many happy returns of the day, Happy birthday; Не кантовать – Fragile. Как и в предыдущем случае, здесь отсутствует этап когнитивной обработки мыслеобраза (концептуального представления), однако наличествует автоматическая трансформация исходного образа вместе с изменением языковой формы.

В связи с параметром качества обработки внутренней речи (парадигма 4 внутренней речи и универсального предметного кода) можно сказать, что:

1) при переводе по полной схеме («трансформационном») на этапе восприятия билингв воспринимает, анализирует, распознает речь собеседника, на этапе речепроизводства – синтезирует мыслеобразы в адекватные оригиналу высказывания на ПЯ. При полном цикле кодовых переходов крайне важен универсальный предметный код, который подключается на каждом этапе, где задействуются мыслеобразы, и перекодирует как мыслеобраз одной культуры в мыслеобраз другой культуры, так и речь в мыслеобраз и мыслеобраз в речь. Множество семантико-грамматических структур и стоящих за ними ментальных представлений в разных языках несходны, и для перехода от языковой структуры ИЯ к языковой структуре ПЯ требуется воссоздание мыслеобразов, сопряженное с определенным интеллектуальным напряжением и энергетическим вложением.

В целом «трансформационный перевод» может вести к оптимальному переводческому решению. Но имеются побочные эффекты трансформаций, проявление которых в переводе может снижать его качество. На входе, то есть при восприятии, это недостаточная обработка информации и неточное понимание при кодовом переходе «внутренняя речь – УПК», которые во многом отвечают за существенные ошибки перевода. На выходе, то есть при производстве речи на ПЯ, это слабо обработанная или необработанная внутренняя речь, озвучивание процесса вербализации, точнее, озвучивание внутренней речи в процессе вербализации, следы влияния которой на внешнюю проявляются в аграмматизмах, лексических ошибках, в ошибках употребления, нарушении сочетаемости. Также слабо обработанная внутренняя речь может приводить к:

- эмболофразии (использование гезитационных и диффидентных междометий, неопределенных местоимений, вводных фраз и слов), например: He found some wonderful equations that make perfect mathematical sense. / И он, в общем, в конечном итоге, выявил очень прекрасные уравнения, которые имеют такой, ну, совершенный математический смысл (здесь и далее примеры из аудиозаписей работы реальных устных переводчиков. – Е. Ш., Е. Я.);

- периссологии (неоправданное многословие, перебор вариантов, самоисправление), например: Do you understand that attitude? With that attitude my reaction to his behavior will be different. / Понимаете разницу в подходе? С таким отношением, с таким подходом моя реакция на его поведение будет отличной... очень отличаться будет; You try to go to a place where knowledge proves effective. / Вы идете туда, где вы знаете, это знание уже доведено до совершенства, что там есть доказанные знания, что это работает;

- плеоназму (повтор, перебор синонимичных вариантов), например: It is an attempt to create a temporary stillness. / Это попытка создать временную успокоенность, устойчивость, стабильность;

- сверхинтерпретации (додумывание,вольное развитие смысла оригинала), например: I raced all the time. / Я профессионально занимался мотокроссом;

- не вполне адекватным языковым образам и ненужным ассоциациям слова в переводе по сравнению с оригиналом, например: Because we constantly round around these patterns. / Потому что эти паттерны поведения бесконечно дергают нас из стороны в сторону;

- использованию вместо конкретных образов десемантизированных, неопределенных, широкозначных слов, генерализаций, например: He was carrying the machine on his shoulder and had the tripod put on the ground. / Передо мной был автоматчик... пулеметчик. У него эта штукавина на плече... (тренога);

- неучету стилистических норм ПЯ, неоправданному понижению (реже – повышению) регистра речи¹, например: People who really made me mad... / Люди, которые бесили меня...;

- неоправданной культурной компенсации, замене реалий одной культуры их функциональными аналогами другой культуры, например: There was an article on the BBC about the musician that I know who used to play in a punk band. / Я смотрел новости Би-Би-Си, и там была статья о музыканте, которого я знал и который когда-то играл в каком-то ансамбле;

2) перевод по сокращенной схеме («сплошным калькированием») показывает, что при переключении кодов внешней и внутренней речи наблюдается отсутствие тектограмматического и лишь частичное присутствие фенограмматического этапа внутренней речи, этапов синтаксического прогнозирования, синтаксического контроля. Речемыслительная деятельность этапа внутренней речи минимальна, можно констатировать минимальную переработку внешней речи во внутреннюю, что означает непосредственный перенос внешней речи на ИЯ на внешнюю речь на ПЯ. При этом зачастую используются несвойственные языку перевода лексика и синтаксические конструкции. Например: I am (put your name)... I am (put your age)... I am (put your profession)... / Я (поставьте ваше имя)... Я (поставьте ваш возраст)... Я (поставьте свою профессию); My education is psychology. / Мое образование – психология (здесь и далее примеры работы реальных переводчиков. – Е. Ш., Е. Я.).

В случаях сложностей с подбором прямых эквивалентов, однако, внутренняя речь начинает проявляться и при переводе «сплошным калькированием». Она проявляется как в ряде вышеупомянутых явлений (перисология, эмболофразия и т.п.), так и в следующем:

- нарушении связности, дизъюнкции, пропусках, иногда – «телеграфном стиле», например: It is like they are looking at themselves from a connected but detached perspective. / Это как-то похоже на то, как будто бы они смотрели сами на себя таким... одновременно, ну, они связаны с самим собой и в то же время как будто слегка отдалены сами от себя и рассматривают;

- симультанности, монтажности, паратаксическим связям внутри сообщения: I have been thrown around a lot, but always the atmosphere in my room was helping. / Я летал много, могу сказать, и всегда в аудитории будет помощь, и летал я, ну, по хорошей причине, по нужной причине;

- редуцированности, эллипсису, имплицитности, например: Why does it fall apart? Because existential therapy understands therapy in a very different way. It goes back to the original meaning of therapy. If you go to the origins of the world you find the Greek word therapia and what does therapia mean? It means the attempt to stand beside another. / Почему она не годится, не подходит?.. Вы найдете греческое слово «терапия». Это означает попытку стоять рядом с другим;

3) свойства перевода по краткой схеме («клишированный»): внутренняя речь и УПК здесь также необязательны и могут встречаться лишь как казусы; перевод подразумевает автоматическую, стереотипную фразу, соответствующую устойчивой или клишированной фразе оригинала. Это высказывания на ИЯ и ПЯ, означающие сходные смыслы, хотя и с разными концептуальными представлениями, обозначенные «узально фиксированными способами выражения некоторых стандартных смыслов, которые регулируются не системой языка, а исключительно прагматическими конвенциями» [2, с. 160], например: Будьте здоровы! / Bless you! При переводе по этой схеме важно иметь подходящий речевой ситуации тезаурус, словарный запас, включая идиомы, паремии, прецедентные высказывания.

В связи с парадигмой компетенций, стиля и стратегий переводчика можно сказать, что:

1) при преобладании в переводческой деятельности «трансформационного» перевода можно предполагать сравнительно высокий уровень профессиональных компетенций и опытность переводчика. Переводчик имеет достаточные компетенции для выхода на достаточно свободный перевод, умеренную адаптацию; хорошо знает переводческие конвенции и нормы (отсюда высокая конвенциональность и нормативность текста перевода); он более явлен как творец перевода. Идиостиль переводчика при трансформационном переводе отражает его мотивацию передать информацию на ИЯ понятно для получателя; проявляется равным образом чуткий аттитюд и к адресанту, и к адресату, и к исходному тексту, и к тексту перевода, и к языку перевода, и к исходному языку. Несмотря на то, что трансформационный перевод может быть несвободен от недочетов, он демонстрирует высокую степень осмысления и переработки информации;

2) преобладание буквального перевода («сплошного калькирования») как паттерна перевода отражает формализм, пренебрежение к нормам языка перевода, что может свидетельствовать о малопрофессиональном или начинающем уровне. В отношении стратегий и идиостиля переводчика перевод сплошным калькированием характеризуется следующим. В нём преобладают стратегии буквализма, ярко выраженной форенизации², остранения (отклонения от конвенциональности и нормативности), неявленности переводчика как субъекта перевода. Идиостиль переводчика отражает его мотивацию – формально точно передать содержание оригинала без учета восприятия адресата. Таким образом, косвенно проявляется более «чуткий» аттитюд к исходному языку и адресанту перевода, чем к языку и адресату перевода;

3) перевод по третьей схеме встречается реже, по крайней мере, если речь идет о нестандартизированных текстах или дискурсах. В общем, при заметной выраженности шаблонного, клишированного перевода можно говорить о высоком уровне компетентности переводчика в плане знаний языка, предмета обсуждения

¹ Ср. неучет требований повышенного регистра речи ораторского стиля русского языка по сравнению с требованиями большей идиоматичности и приближенности к разговорным формам этого стиля в английском языке).

² Реже, в случае перевода с родного русского языка – русскоязычной доместикации.

и дискурсивных паттернов. У переводчика преобладают стратегии стремления к семантической эквивалентности, общеизвестным паттернам лингвокультурной адаптации, жесткой конвенциональности и нормативности. Такой переводчик явлен как субъект перевода, но его креативность ограничена имеющимся у него тезаурусом двух языков, он не выходит за уровень семантики и непосредственных стереотипных смыслов фраз исходного текста. Идиостиль переводчика отражает его мотивацию – передать содержание оригинала точно и в соответствии с общепринятыми нормами. Таким образом, косвенно проявляется «чуткий» аттитюд к исходному и переводному тексту при минимальном учете особых потребностей адресанта и адресата перевода.

9. Заключение

Описание процесса перевода с помощью когнитивно-психолингвистической модели, синтезирующей существенные понятия вышеописанных парадигм, позволяет расширить эмпирический подход, преобладающий в основе обучения устного переводчика и заключающийся в регистрации, анализе переводческих ошибок, их лингвистическом описании, создании адекватного перевода или предъявления эталона. Параметризация и алгоритмизация понятий вышеприведенных психолингвистических концепций перевода дает возможность четче оценивать речемыслительные действия переводчика; объясняет с когнитивно-психолингвистической точки зрения избираемые способы и приемы перевода; при рекуррентности определенных способов и приемов позволяет характеризовать переводческий стиль (идиостиль), оценивать профессионализм и давать рекомендации по совершенствованию переводческой деятельности.

Список источников

1. Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева – Рябовой: 1967-2005 // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. С. 79-104.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Перевод как прикладная лингвистическая дисциплина // Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2001. С. 138-168.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд-е 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь / под ред. и со вступ. ст. В. Колбановского. М. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 362 с.
6. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
7. Глухов В. П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: АСТ; Астрель, 2005. 351 с.
8. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Проблема «чужеродности» культуры и этноцентризм // Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А. П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
9. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: МПСИ, 2001. 432 с.
10. Карпова Ю. А. Языковая личность переводчика в устном переводе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 233-235.
11. Комиссаров В. Н., Коралова А. Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1990. 127 с.
12. Кручинина О. В., Гальперина Е. И., Кац Е. Э., Шеповальников А. Н. О факторах, влияющих на вариативность центрального обеспечения билингвизма // Физиология человека. 2012. Т. 38. № 6. С. 15-31.
13. Кушникова Л. В. Языковая личность переводчика в свете современных научных парадигм // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 4. С. 75-85.
14. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 221 с.
15. Ротенберг В. С. Сновидения, гипноз и деятельность мозга [Электронный ресурс]. М.: Центр гуманитарной литературы РОИ, 2001. URL: https://www.koob.ru/rotenberg/snovideniya_gipnoz_deyatelnost_mozga (дата обращения: 23.09.2019).
16. Стернин И. А., Розенфельд М. Я. Слово и образ. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015. 398 с.
17. Шевченко О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера): дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2005. 255 с.
18. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.

COGNITIVE AND PSYCHOLOGICAL PARADIGMS OF TRANSLATION AS BILINGUAL SPEECH ACTIVITY

Shelestyuk Elena Vladimirovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Yakovleva Evgeniya Sergeevna

Chelyabinsk State University

shelestiuk@yandex.ru; evgenia.yakovleva2012@yandex.ru

The article proposes theoretical and methodological tools to study translation in the cognitive and psycholinguistic aspect. Cognitive and psycholinguistic features of translation are described according to the following parameters: 1) degree of information transfer; 2) correlation of deep and surface structures and conformity of surface structures to the source language and target language; 3) adequacy of verbal images in the source language and target language; 4) quality of inner speech processing; 5) translator's competences, strategies and individual style. The findings can be used while developing a cognitive and psycholinguistic algorithm for studying translation, teaching translation and assessing translation quality.

Key words and phrases: inner speech; universal thematic code; mental image; deep structures; surface structures; verbal images; professional communicator's competences.